

ДИАЛОГИ О ШУКШИНЕ

ДИАЛОГИ О ШУКШИНЕ

**МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

МОСКВА

**ФОНД ВОЗРОЖДЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМЕНИ В. М. ШУКШИНА «ФОРМУЛА УСПЕХА»**

2017

ДЕРЕВНЯ: СТИГМАТЫ СОСЛОВИЯ

СВЕТЛАНА АДОНЬЕВА

(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

Я назвала свой доклад «Стигматы сословия», потому что хочу говорить о том опыте, который, как я полагаю, имела значительная часть поколения, к которому принадлежал Василий Шукшин. У древних греков стигмой назывался знак на теле, посредством которого отличали раба или преступника: знак открывал позорное качество человека, которое должно было приниматься во внимание при взаимодействии с ним. По определению Ирвина Гофмана, который ввел понятие стигмы в социологический оборот, у индивидуальных (физическое строение и характер) и коллективных (раса, род, профессия) стигм можно обнаружить общие черты. Человек, который мог бы легко участвовать в обычном социальном взаимодействии, обладает некой особенностью, которая навязчиво привлекает внимание одних и отвращает от него других, тем самым перекрывая путь к различению остальных качеств этого человека¹.

¹ *Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity.* N. J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.

Я более тридцати лет занимаюсь исследованием жизни деревенского населения России. И то, о чем я буду говорить ниже, основано на наблюдениях и выводах, сделанных в ходе моей работы.

Ко второй половине XIX столетия население Российской империи подразделялось на несколько сословий, каждое из которых облагодало особым правовым статусом. Были так называемые природные подданные и инородцы. В составе *природных подданных*, по данным на 1870 год, *благородные* (дворяне) составляли 1,2%, духовные лица 0,9% (и делились по вероисповеданиям); *городские обыватели* (почетные граждане, купцы, мещане и цеховые) — 9,2%; военные сословия — 6,5%, *инородцы* (евреи и восточные народы) и *финляндские обыватели* составляли 0,27% населения. Так называемые *сельские обыватели* (крестьяне) составляли 81,5% от общей численности населения империи. По переписи 1926 года население СССР составило 147 027 915 человек. Городское население — 26 314 114 человек. В 1939 году на 170 миллионов общей численности — 56 миллионов городского населения (33%).

Представляется важным говорить именно о сословиях, поскольку слово «народ», употребляемое в отношении крестьянства, закрывает очень важное обстоятельство русской истории недавних столетий, а именно то, что к началу XX века Россия была многоукладной страной, в ней было несколько укладов и несколько разных жизненных миров². Мир крестьянского сословия, которое на ту пору составляло более чем 80% населения Российской империи, был самым многочисленным. Точнее, это было большое количество миров,

² О «народе» как идеологической конструкции см.: Живов В. В. О превратностях истории и незавершенности исторических парадигм // Россия / Russia. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М.: ОГИ, 1999. С. 245–260; Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: ИЛО, 2006. С. 105–145; Вортман Р. Официальная народность и национальный миф российской монархии XIX века // Россия / Russia. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. С. 233–244; Зорин А. Идеология «православия-самодержавия-народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1996. № 26. С. 86–101.

каждый — со своим языком (говором), своим типом организации жилого пространства дома, двора и соседства, со своей визуальной эстетикой костюма, орнамента, музыки, пластики, но с общими для разных территориально-этнических групп принципами социальной организации семьи и общины и общим отношением к земле и хозяйственным практикам. Советский принцип объяснения истории делал это сословие беднейшим: это бедные, необразованные люди, эксплуатируемые помещиками и капиталистами и так далее. Такой угол зрения, обеспеченный просветительским пафосом либерально-демократических установок XIX века, унаследованных советским дискурсом, позволял не видеть того, что это не беднейшая социальная страта, культурные и социальные маргиналы и не класс «голодных и рабов». Это были сложно скоординированные по территориям и этносам жизненные миры, в которых были свои ценности, свои экзистенциальные вопросы, эстетика, искусство, метафизика и так далее. Все, что было признано людьми благородного сословия ценным у крестьян, — музыка, эпос, причитания, прикладное искусство — было определено как национальное, то есть общее для всех русских людей, проживающих в империи. Таким образом, культурные продукты жизненного мира крестьянства (его художественные артефакты) присваивались и объявлялись «общенациональными» ценностями. Те же, которые это создавали и с этим жили, оказывались носителями, такими странными поставщиками ценностей для культуры других жизненных миров, не участвующими в содержании производимых ими ценностей. Сами же они как будто своей культурой не пользовались, а исключительно хранили ее для потомков.

Ко времени принятия закона 1861 года в личной (крепостной) зависимости находилось около трети крестьянского населения, остальные — на Урале, в Сибири, на Алтае — были так называемыми черносошными, или государственными крестьянами. Они платили налоги и были лично свободными. На момент первой переписи 1724 года

государственные крестьяне составляли лишь 19% населения, к переписи в 1858 году — более 50% населения на территории³. По закону государственные крестьяне определялись как «свободные сельские обыватели». В отличие от владельческих, они рассматривались как лица, обладающие юридическими правами: они могли выступать в суде, заключать сделки, владеть собственностью. Государственным крестьянам было разрешено вести розничную и оптовую торговлю, открывать фабрики и заводы. Земля, на которой работали такие крестьяне, считалась государственным владением, но за крестьянами признавалось право пользования — на практике они совершали сделки как владельцы земли. Фотографии и документы убедительно свидетельствуют о том, что жизнь крестьянства была очень разной. Разумеется, были беднейшие, что определялось скорее маргинальными ситуациями положения и статуса (разорением семьи в связи с отсутствием разумного большака, неурожаем и прочим). Тем не менее к 1905 году крестьяне общинно или единолично владеют 61,8% частновладельческой земли, к 1916 году эта доля доходит до 90%. Алтайский край — одна из территорий, на которой лично зависимых, то есть крепостных крестьян не было.

По переписи 1926 года соотношение сословий сохраняется: около 80% населения — это крестьянство, которое проживает своей жизнью. Но к 1939 году городское население приросло на двадцать миллионов. Двадцать миллионов бывших крестьян переместились в город — это огромное количество людей. Если посмотреть на то, какие люди переместились, мы поймем, что это младшее поколение крестьян, дети тех, кто пережил коллективизацию и раскулачивание. Старшее поколение остается в деревне, молодые парни и девушки перемещаются в города, в том числе для того, чтобы выжить. Этому поколению необходимо скрыть все следы своего происхождения, потому что это просто

³ Крепостное население в России, по 10-й народной переписи / сост. А. Г. Тройницкий. СПб.: 1861.

опасно⁴. Один из первых вопросов анкеты, которую должен заполнить каждый, кто поступает на учебу или работу: из какого ты сословия? Каково твоё социальное происхождение? В современных личных листках по учету кадров ещё совсем недавно была строка о социальном происхождении. Если ты из крестьян, то нужно было указать, из каких — бедняков, середняков или кулаков, — и предоставить соответствующие справки. Сын или дочь кулака на работу и учебу рассчитывать не могли, дети середняков подозревались в том, что они утаивали своё кулацкое происхождение, прикрываясь «среднячеством». Одна из тактик выживания переместившихся бывших крестьян в городе — уничтожение личных документов, сокрытие своего социального происхождения, отмежевание от опасного родства. Н. Н. Козлова изучала биографические тексты советских горожан 1930–1940-х годов — горожан в первом и втором поколении. Они переживали травму вины за то, что по происхождению принадлежат к «отживающему классу», к «бывшим». Каждый знал это о себе и хранил, как постыдную тайну, меняя свое тело и его привычки, чтобы не быть раскрытым:

Их превращали различными способами, главным образом через «запись на теле»: меняли жизненный ритм, приучали к новым типам подчинения. Этой цели служили и «макаренковская» система воспитания, и карточное распределение, и милитаризация гражданской жизни, и новые массовые праздники, слагавшие орнаменты из человеческих тел во славу «вечно живых». Тела приноравливались к новым функциям. Пролетариат был социальным артефактом, но диктатура от его имени была «физической реальностью». Неподдающихся выталкивали в пространства ниже общества: лагерь, скитания, голод и смерть⁵.

⁴ См.: Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. С. 189 и далее.
⁵ Там же. С. 131.

Вся система крестьянского владения землей выстраивается, будь то Сибирь или европейский Русский Север, на принципах крестьянской общины. Управляющим органом общины является сход (*сходня* — так это называли на родине Шукшина), его составляли мужики-большаки — главы хозяйств. Сход решал все социальные и экономические вопросы общины: передел земли, отправка на военную службу и отработка на государственных заводах, уплата налогов и податей и тому подобное. Жизненная карьера мужчины, его полноценный жизненный сценарий разворачивался от статуса парня, который ничего не имеет, живет в повиновении у отца и матери, но исполнен отваги, которую проявляет в праздничных драках, песне, пляске; он верен интересам своей ватаги и так далее. Кульминация его жизненного пути — позиция человека, который находится в центре домохозяйства, который с другими мужчинами раз в несколько лет занимается перераспределением земли, принимает решения на сходах, определяет, когда начинать пахать, когда сеять, — глава дома и уважаемый член общины. Количество земли, которое определялось крестьянскому двору, высчитывалось по числу мужских душ. Следовательно, наиболее зажиточными семьями были те, в которых мужчин больше. И именно такие справные большие семьи в первую очередь попадали под раскулачивание. Ситуация, которая разворачивается в 1920-е годы, выглядит примерно следующим образом: в конструкции крестьянской семьи мужчина выходит из подчинения матери, когда он женится, молодую семью могут выделить в отдельное домохозяйство, тогда они становятся самостоятельным домохозяйством, где молодой муж — большак, а его жена — большуха. Но обычно это происходило позже, после женитьбы молодая семья оставалась в структуре семьи родителей мужа, но женатый мужчина уже не подчинялся матери. До 1930-х годов структура семьи, которая одновременно была и хозяйственно-экономической единицей, выглядела примерно так. Во главе семьи — большак-отец, ему

подчинены большуха-мать и женатый сын, у них паритетные отношения. Большуха-мать управляет всеми незамужними и неженатыми, в ее попечении внуки — дети молодки и сына. В 1920-е годы в деревню возвращаются хватившие революции неженатые мужчины, новая власть говорит им: «Не надо большевиков (то есть — отцов) слушать, у них мелкособственническая, мелкобуржуазная, отсталая психология» и так далее. Новая власть поддерживает младших и разрушает тем самым систему взросления и возведения в жизненную зрелость. За этим стоит очень многое: существовало большое количество хозяйственных практик, которыми ведали только большаки, только они умеют делить землю, это был особый навык. Только они знают, когда сеять и когда жать, они знают охотничий промысел, они умеют ходить в море, чтобы не потонуть немедленно и прочее. Именно они умели петь былины. Эпос пропал не потому, что его забыли, а потому, что пропали те, кто его знал. Происходило обесценивание того знания и того уклада жизни, которые несли и утверждали через свою социальную власть и ответственность старшие. Это один из социальных сломов, который происходит с конца 1920-х годов: разрушается принцип наследования мужской большины. Большаки до коллективизации несли полную ответственность перед «миром» (государством и общиной) за поведение и материальное состояние всех членов своей семьи. Главная экономическая особенность крестьянина-большака, в отличие от колхозника, совхозника или рабочего — в наличии семейной собственности, то есть крестьянского двора-усадьбы, который находится в его управлении, и ответственности за людей, семью и работников, которые зависели от его управленческих решений. Хозяйство и семьи кормились за счет разумного управления большака. Для того чтобы разобраться в вопросе иерархии и авторитета в структуре деревенской семьи и большины, воспользуемся определениями авторитета и власти, которые были предложены Максом Вебером.

Для признания господства имеется три вида внутренних оправданий (или — оснований легитимности господства).

Авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет нравов, освященных значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение. Авторитет особого личного дара, полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием особых качеств у какого-то человека. Авторитет, основанный на компетентности, обоснованной рационально созданными правилами⁶.

В соответствии с первым правилом авторитета «старший» значит «главный», и это тот порядок, который отменяется советской властью: старшие перестают быть главными. Авторитет дара, полное личное доверие и преданность, вызываемая наличием особых качеств у какого-то человека, — это авторитет тех людей, которые умеют разговаривать с силами, успокаивать море заговором и понимают, что нужно поставить обетный крест, если они спаслись в шторм: это авторитет духовного свойства, которое несли те, кто исполнял былины, они были не простыми людьми. Один из исполнителей былин, от которых произвели запись, дважды ходил в кругосветное путешествие и дважды был в Америке. Это обстоятельство не упоминается нигде, хотя это хрестоматийная запись былины и она вошла во все учебники. Авторитет большаков был основан на их глубоком жизненном опыте. Авторитетом, основанным на компетентности, они, безусловно, тоже обладали. Передача этого опыта и компетенций осуществлялась внутри семьи-рода от большака-отца к сыновьям, которые накапливали опыт и знания, чтобы со временем занять главенствующую позицию. Новая власть сломала порядок передачи опыта, а с ним и авторитета.

⁶ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5., rev. Aufl. Tübingen: Mohr, 1980. Kap. III. Die Typen der Herrschaft. S. 122–176.

Я покажу, как это происходило, на примере двух крестьянских дневников⁷. Один дневник вел крестьянин села Вашки Белозерского уезда с 1929 до 1937 года. Он начал писать дневник в 43 года. Второй — 1926 года рождения, на четыре года старше Шукшина. Он пришел с фронта и пишет дневник в течение года, с августа 1945 по август 1946 года.

Меня поразило то, что это были дневники людей с разных планет, до такой степени они отличались. Первый, Дмитрий Иванович Лукичѳв (1882 года рождения), имел четыре класса церковноприходской школы. Ко времени Октябрьской революции семья Лукичѳвых (взрослый мужчина — лишь он, еще четыре дочери и два малолетних сына) имела 4,95 десятины пахотных земель, 4,05 десятины покоса; семья держала лошадь, двух коров, быка, овец. Было два жилых дома: зимний и летний, а также баня, гумно, амбар, кузница, два хлева, два сеновала. В 1930 году Дмитрий Иванович вступил в новообразованный колхоз «Завет Ильича», сдав в общее владение лошадь, корову, инструментарий и собственную кузницу. В 1931 году Лукичѳва исключили из колхоза, произвели опись имущества, подселили в их дом других людей, оставив хозяевам комнату. В 1935 году во время молотѳбы, на которой работал сын Сергей, в сноп попала металлическая скоба, молотилка сломалась. Местный суд обвинил Сергея в «скрытых вредительских действиях» и приговорил к пяти годам лагерей, а самого Д. И. Лукичѳва — к принудительным работам по месту жительства. Через несколько месяцев Лукичѳвы узнали о смерти сына. Записи Дмитрия Ивановича Лукичѳва прерываются на 1938 годе: в том году он умер.

Масштаб личности человека определяется размером его мира. Маленький мир очерчен границами потребностей человека как вида (пища, безопасность, продолжение рода) и человека как члена

⁷ Мужской род. Первое лицо. Единственное число / Дневники Д. Лукичѳва и Д. Беспалова / подг. текстов, вступ. статья и коммент. С. Адоньева. СПб.: Пропповский центр, 2013.

группы (потребность в привязанности и принадлежности группе, уважении и одобрении). Над первичными потребностями размещаются те, которые делают мир большим: потребность в красоте, потребность в познании мира, Бога и себя. Лукичёв жил в Большом мире. Он хотел помнить волхвов по именам. Он отмечал солнечные затмения, изменения погоды, таяние снегов, время появления первой весенней листвы. Он считал крестьянский труд священным занятием и преуспевал в нем. Он знал о том, что Бог есть любовь и что удержание собственного духа в спокойствии есть важная внутренняя работа. Ему были интересны гидрология и краеведение, музыка и христианская философия. Он не только знал, думал, чувствовал и интересовался Большим миром, он действовал в нем «не за страх, а за совесть»: был в попечительском совете прихода, учредил сельское кредитное товарищество, был занят выборами в учредительное собрание, был избран волостным судьей, и так далее, и тому подобное. Он создавал мир вокруг себя. В такой мир, в мир, о котором он позаботился, входили его дети, и поэтому уязвления первичных потребностей советского человека уже не могли закрыть от них подаренный в детстве горизонт.

Второй дневник — дневник человека, который очень бодро и быстро освоил новую речь. Он пишет, как в 1946 году они ставят «Бедную Лизу» Карамзина в своем клубе. Описывает местную природу языком пушкинской «Метели». Цитата из хрестоматийного пушкинского стихотворения приходит ему на ум, когда он описывает, как неожиданно встретил свою девушку на сельском агитпункте, где они занимались подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР: «Душе настало пробужденье: // И вот опять явилась ты...». Он хочет стать уважаемым человеком, называет себя «воином-победителем». Язык газеты внедряется в язык усвоенной на школьной скамье классики. Своего языка у него еще нет, как нет этических и экзистенциальных вопросов или мнений.

Перелом случился в этих поколениях: отцовское — обесценено, сыновья осваивают другой габитус. В структуре семьи в тридцатые годы и позже возникает странная конструкция, когда непонятно, кто кому главный, непонятна иерархия. Прежняя отменена — сын за отца не в ответе, отцов нет, но есть матери и их взрослые сыновья. Не очень понятно, где взрослый сын в отношении матери, подчиняется он ей или подчиняет ее? Как они размещены в отношении друг друга? Дальнейшая динамика семьи дает новые фигуры, но тот мужчина, который рожден в 1930-е, оказывается в ситуации безотцовщины, не только потому, что отца нет физически. Нет мужского авторитета, с которым он мог бы сверять свой опыт.

Направление, к которому часто относят Шукшина, принято называть «почвенниками». Как мне представляется, это определение не раскрывает сути явления. Почва — это кто? Что, мы из земли растем? Мы же не растения! Почва для человека — это отцы и матери. От отцов и матерей мы берем жизненный опыт, в том числе и опыт ценностный. В жесткой экзистенциальной ситуации нам совершенно необходим опыт мудрейших, а этих мудрейших нет: экзистенциальные смыслы ушедшего в прошлое жизненного мира не подлежат реанимации. На мой взгляд, рассказ Шукшина «Алеша Бесконвойный» — история о том, как экзистенциальное переживание случается, но этот индивидуальный опыт не легитимен, поскольку не обладает возможностью опереться ни на один из названных выше типов авторитета — традиции, духовного дара или компетентного рассуждения. Отцов, старших, различающих границы жизни и смерти, — нет. В этой ситуации возникает разрыв жизненной ткани, который переживается как отсутствие смысла. Другими писателями-деревенщиками создается новая мифология, не унаследованная, но в значительной степени придуманная, с оттенком фольклоризма и музеефикации. В поколении Шукшина возникает проблема невозможности реализации мужчины как зрелого человека, ставящего перед собой

экзистенциальные вопросы и отвечающего на них⁸. Он остается парнем около родины-матери или просто матери, остается не совершившим переход в зрелость, поскольку опыт зрелости, на который он мог бы рассчитывать, отвергнут той культурой, в которой он стремится укрепиться и реализоваться.

За вторую половину XX века конструкция семьи превращается из патрилокальной в матрилокальную: никого не удивляет то, что воспитывает детей мама мамы, а не мама папы. Это — глобальная перемена, потому что дети остаются в женском роде и не переходят в род отца, что происходило на протяжении тысячелетий. В ситуации глобальных перемен, на фоне которых разворачивается судьба людей, рожденных в 1930-е годы, они должны были каким-то образом сами себя найти: обрести собственную субъективность в отсутствие жизненного мира, с которым ее можно согласовывать. И если они были искренни сами с собой, то не могли принять тот слабый экзистенциальный вариант, который предлагала советская культура, я имею в виду идею «все более глубокого удовлетворения...», вполне гедонистическую, которая была предложена Программой строителей коммунизма 1961 года. Одной из таких трагических по искренности экзистенциального вопроса фигур является, на мой взгляд, Василий Шукшин. ¶

⁸ См. также доклад Дэвида Гиллеспи на с. 59–63. — *Примеч. ред.*